

Отзыв официального оппонента на диссертацию
Лебеяднцава Ивана Михайловича
«ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСКОГО КРУЖКА И РЕДАКЦИИ
ЖУРНАЛА «МОСКВИТЯНИН» В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И
ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НИКОЛАЕВСКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ»,
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Славянофильство как научная проблема не перестает интересовать исследователей уже более полувека. Интерес к славянофилам был всегда, но их подлинно научное изучение началось лишь в 1960-е годы. С тех пор количество работ и интерпретаций этого, казалось бы, несложного явления (если иметь в виду славянофильскую идеологию) постоянно растет и актуальность данной темы по-прежнему не вызывает сомнений. И в то же время, как показывает диссертация И.М. Лебеяднцава, все еще остается немало белых пятен. Даже такой очевидный вопрос, кого считать славянофилами, вызывает определенные трудности. Я полностью согласен с автором, ограничивающим персональный состав раннего славянофильства участниками кружка Хомякова — Аксаковых, включая в него братьев Киреевских и Самарина. В противном случае мы столкнемся с размытым идеологическим течением, которое возникает задолго до начала спора западников и славянофилов 1840-х гг. и продолжается до сих пор. При таком сужении исследовательского поля найти в нем нехоженые тропы не так просто. Однако автору диссертации это удалось благодаря смещению внимания со славянофильской идеологии на каналы, по которым эта идеология передавалась. Иными словами, речь идет о переходе от истории идей к институциональной истории. В диссертации впервые показана борьба славянофилов за печатный орган, через который они могли доносить свои идеи до общества. Тщательное фронтальное изучение журнала (в данном случае «Москвитянина») всегда вызывает уважение и почти всегда обнаруживает что-то новое. Исследование, проведенное диссертантом, это лишь подтверждает.

Новым и важным результатом исследования И.М. Лебеяднцава является то, что в его работе хорошо показано, как славянофилы осуществляли трансляцию своих идей в общество. Обычно об идеологии славянофилов пишут, как о чем-то сложившемся и всем хорошо известном, и не говорят о том, каким образом их идеи становились известны. От речей, которые они вели в московских гостиных, до широкого общественного обсуждения их взглядов было достаточно далеко, необходимо было найти канал, по которому эта коммуникация с обществом могла бы осуществляться. Теперь мы имеем довольно ясную

картину того, как славянофильские идеи проникали в общество. Убедительной представляется и мысль автора о том, что «Москвитянин» не был чисто славянофильским изданием. Стоявший во главе его М.П. Погодин при внешнем сходстве его идей со славянофилами, никогда себя с ними не отождествлял, и это говорит о том, что идейное сходство, еще не означает «партийного» единства. В данном случае (и опять это верное наблюдение диссертанта) на первый план выдвигались человеческие качества и дружеские отношения. Погодин для славянофилов был чужим, а близость взглядов не способствовало человеческому сближению. В работе очень хорошо показан драматизм взаимоотношений Погодина как редактора журнала и славянофилов как его авторов. Анализ этих взаимоотношений ведется тонко и вполне убедительно. Хорошо показано, что сложность этих взаимоотношений в первую очередь объясняется сложностью позиции самого Погодина, вынужденного лавировать между министром С.С. Уваровым, собственными убеждениями и читающей публикой.

Интересно в работе трактуется взаимодействие журналистики и власти. Автор стремится уйти от прямого противопоставления, когда, с одной стороны, имеется тенденция к вольномыслию, или во всяком случае к разномыслию, а с другой, осуществляются карательные меры через цензурное ведомство. И.М. Лебедев дает более сложную картину. Он показывает, что, во-первых, власть не представляла собой единства, отдельные ее представители, Бенкендорф, Уваров и др., могли курировать те или иные журналы в нужном им духе и часто нередко использовали их в своей внутриправительственной борьбе. Во-вторых, сами журналисты могли использовать эту борьбу в своих интересах. В-третьих, в самой цензуре не было единого понимания того, что можно, а чего нельзя. Исходя из этого в общем верного положения, диссертант приходит к важному выводу о том, почему славянофилы 1840-х гг. не обзавелись собственным печатным органом. По его мнению, этому препятствовали, с одной стороны, их стремление к независимости, не позволявшее им становиться под крыло какого-нибудь крупного сановника, а с другой стороны, политические силы, не разделявшие их направления. Речь в данном случае идет о Бенкендорфе и его ведомстве. Поэтому славянофилы, желая чувствовать себя свободными, упор делали на устные выступления в гостиных и распространение рукописных изданий.

Наиболее близким к славянофилам был журнал «Москвитянин», который иногда считают славянофильским, но который при некоторой внешней близости таковым не являлся. Это был журнал, выражавший идеологию официальной народности. Диссертант подробно и хорошо останавливается на отличиях славянофильского кружка 1840-х годов от редакции «Москвитянина». Говоря о «Москвитянине» в первый год существования

журнала, И.М. Лебединцев подробно рассматривает историю публикация на его страницах стихотворений Хомякова и пытается довольно успешно разобраться в их непростой истории. Убедительным представляется его вывод о покровительстве Хомякову со стороны Уварова, который видел в нем второго Пушкина. Здесь, наверное, было бы уместно добавить, что для Уварова, бесспорно, знавшего толк в литературе, важно подчеркнуть свою близость к лучшим литераторам эпохи. Вопрос, зачем ему это было нужно? Я думаю, что дело не в том, что министр стремился через поэтическое слово проводить свою политическую линию. Он прекрасно понимал, что ни один большой поэт не будет выполнять правительственные заказы без внутреннего побуждения. Хомяков нужен был для другого. Дружеская близость с выдающимся поэтом, имеющим большой общественный авторитет, Уварову была необходима для собственного имиджа. Когда-то в молодости он увивался вокруг Карамзина, потом пытался «дружить» с Пушкиным, который с брезгливостью отверг эти попытки. Теперь такой же сценарий он, видимо, отводил и Хомякову как выдающемуся поэту и авторитетному общественному деятелю с собственной независимой позицией.

Автор хорошо вскрывает суть расхождений редакции «Москвитянина» и славянофилов. Вместо вульгарного социологизма Плеханова, считавшего, что все дело в том, что славянофилы – дворяне, а редакция журнала состоит из разночинцев, И.М. Лебединцев основывается на современном социологическом противопоставлении формальных и неформальных объединений. Славянофилы — неформальная группа, объединенная по принципу дружеских и родственных связей, а редакция «Москвитянина» в силу своего статуса была формальной группой, объединенная вокруг журнала и тяготеющая к Московскому университету. На эти социальные различия накладывались психологические, связанные с непростым характером Погодина, да и Шевырева тоже. К этому можно было бы добавить и еще один пункт расхождения. Редакция журнала постоянно была вынуждена лавировать между вкусами публики, требованиями влиятельного лица, «курирующего» журнал, в данном случае Уварова, и собственной программой, которую она хотела проводить. Иными словами, издание журнала — это постоянные поиски компромиссов. Славянофильский кружок вряд ли был готов идти на какие бы то ни было компромиссы. Поэтому салонная полемика и рукописная литература для них были наиболее подходящими видами пропаганды собственного направления.

Диссертант совершенно справедливо выделяет два этапа в истории «Москвитянина»: до 1845 г., когда публикации славянофильского кружка были незначительны и в основном ограничивались поэтическими текстами, и 1845 г., когда редактор становится И.В. Киреевский, и журнал получает возможность открыто выражать

славянофильские идеи. В этой главе хорошо показано, как складывалось славянофильское лицо журнала и с какими новыми трудностями столкнулся новый редактор. Это постоянное вмешательство Погодина в редакционную политику, слабое наполнение журнала беллетристическими новинками и т.д. В целом И.М. Лебедев приходит к выводу, что хотя при И. Киреевском журнал «стал интереснее, но не сумел исправить недочеты “старого” “Москвитянина”» (с. 139). Более того он даже не стал в полной мере выразителем славянофильских идей, и Киреевский вскоре должен был покинуть редакторское кресло. И хотя славянофилы в институциональном плане, как справедливо отмечает диссертант, не находились по сравнению с западниками в ущемленном положении, скорее наоборот, у них были определенные преимущества, тем не менее они не воспользовались имеющимися у них возможностями и в плане влияния на общественное мнение проигрывали западникам. Это важное наблюдение нуждается в дальнейшем развитии. Русская культура всего имперского периода, получившая мощные импульсы в ходе петровских реформ, развивалась как культура европейская. В этом отношении западнические идеи сливались с общим культурным фоном. Русская литература золотого века, представленная мощными самобытными дарованиями, стала национальной и мировой именно потому, что в период своего созревания на протяжении XVIII столетия она развивалась под сильным воздействием французской литературы. Позже добавились немецкое и английское влияния. В 4 гл. И.М. Лебедев приводит интересный спор о Гоголе между К. Аксаковым и Белинским. Для первого Гоголь — самобытный русский писатель, выразитель национального духа. Для Белинского Гоголь — результат влияния европейской литературы. При этом оба они правы. Одно без другого не существует, национальная самобытность не может сформироваться вне диалога с иной культурной средой. И сами славянофилы — продукт европейского воздействия на русскую культуру в не меньшей степени, чем западники. И русская журналистика, и русская читательская аудитория — все это формировалось в ходе большого русско-европейского диалога на протяжении полутора столетий. В арсенале славянофилов, по сути, не было ничего, что так или иначе не являлось бы результатом восприятия и переосмысления европейских идей. Поэтому их соревнование с западниками проходило на поле западников. И если уж говорить об антизападнических идеях в русской общественной мысли середины XIX века и позже, то следовало бы отметить, что корни этих идей также уходят на Запад. Европейское общество подвергалось не меньшей критике в творчестве европейских писателей, которые переводились и читались в России. Достаточно вспомнить Бальзака, Диккенса или Гейне.

Есть в диссертации и отдельные недочеты и положения, вызывающие недоумение, как, например, на с. 7 автор утверждает: «... после распада СССР в России практически

исчезли цензурные ограничения. Это привело к негативным последствиям: падению духовно-нравственной культуры, понижению уровня национального самосознания». Если встать на эту точку зрения, то придется признать, что не творчество Достоевского, Толстого, Чехова, Пастернака, Ахматовой, Цветаевой, и др. великих русских писателей, а противостоящая им цензура способствовала повышению духовно-нравственной сферы и уровня национального самосознания. На с. 47 автор пишет: «В 1846 году Н.А. Некрасов и И.И. Панаев купили у П.А. Плетнева журнал, который последний создал в 1836 году вместе с Пушкиным. После смерти Пушкина в 1837 году журнал уже не представлял для читателей значительного интереса». Если быть справедливым, то и при Пушкине журнал не вызывал большого интереса. Значительная часть тираже не расходилась.

Диссертант совершенно справедливо считает, «что литература по славянофилам необъятна». Это значительно осложняет неизбежный в любой диссертации историографический обзор, который сам вполне мог бы стать предметом отдельного диссертационного исследования. Возможно, не следовало бы стремиться охватить необъятное, иначе неизбежны упущения и порой значительные. Не очень понятно, почему в историографию включены М.Н. Катков и Н.А. Бердяев, а не включен, например, Владимир Соловьев, которой в своей работе «Вырождение славянофильства» показал принципиальные отличия ранних славянофилов, как раз того кружка, о котором идет речь в диссертации, от их поздних последователей. Конечно, и без Соловьева можно было обойтись, но еще проще было бы обойтись без Каткова и Бердяева. Если говорить о советском и современном периоде, то удивляет отсутствие работ Б.Ф. Егорова. Правда, в самом тексте диссертации есть ссылки на его комментарии к стихотворениям Хомякова, изданным им в серии «Библиотека поэта». Но неплохо было бы вспомнить, что именно Б.Ф. Егоров в 1969 г. поставил вопрос о необходимости научного изучения славянофильства¹. О значительном вкладе Б.Ф. Егорова в изучение славянофильства говорится в специальной статье А.П. Дмитриева, современного специалиста по славянофилам, чьи исследования также не нашли место в историографическом обзоре². Не учтена и монография К.Ю. Зубкова о молодой редакции «Москвитянина»³. В ней, правда, речь идет о более позднем периоде, когда во главе журнала стоял Аполлон Григорьев, но и предшествующий «славянофильский» период тоже затрагивается. Следовало бы учесть и серию статей П.С. Рейфмана о славянофильской журналистике⁴.

¹ Егоров Б.Ф. Проблема, которую необходимо решить // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 128–135

² Дмитриев А.П. Борис Федорович Егоров как исследователь славянофильства // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 357–369.

³ Зубков К.Ю. Молодая редакция журнала «Москвитянин»: Эстетика. Поэтика. Полемика. М., 2012.

⁴ Рейфман П.С. К истории славянофильской журналистики 1840–1850-х гг.: (Некоторые общие проблемы) // Труды по русской и славянской филологии: XXVIII: Литературоведение. Тарту, 1977. С. 37–56.

Однако, несмотря на отдельные недочеты и упущения, диссертация И.М. Лебедянцева соответствует критериям, установленным пп. 9-11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции) и соискатель заслуживает присуждения ему степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 - Отечественная история.

10. 03. 2026

Парсамов Вадим Суменович,
 доктор исторических наук, профессор
 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
 тел.: + 7 495 771-32-32, vparsamov@hse.ru
 ФГАО ВО
 Национальный исследовательский университет
 «Высшая школа экономики»
 Профессор Школы исторических наук

 Подпись заверено
 СПЕЦИАЛИСТ ПО КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
 КИСЛИНСКАЯ П.А.

(Учен. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 414.); *Он же*. К истории славянофильской журналистики 1840–1850-х гг.: Статья вторая // Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей: Труды по русской и славянской филологии: XXXI: Литературоведение. Тарту, 1979. С. 35–58. (Учен. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 491.). *Он же*. К истории славянофильской журналистики 1840–1850-х гг.: Статья третья // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности: Труды по русской и славянской филологии: XXXII: Литературоведение. Тарту, 1981. С. 73–85. (Учен. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 513.). *Он же*. К истории славянофильской журналистики 1840–1850-х гг.: Статья четвертая // Единство и изменчивость историко-литературного процесса: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1982. С. 64–80. (Учен. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 604.). *Он же*. К истории славянофильской журналистики 1840–1850-х гг.: Статья пятая // Типология литературных взаимодействий: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1983. С. 73–84. (Учен. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 620.). *Он же*. К истории славянофильской журналистики 1840–1850-х гг.: Статья шестая // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1985. С. 133–144. (Учен. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 645.)